

янное вхождение личных и социальных футурологических проекций в настоящее, отказ от принятия наличного настоящего в качестве финального состояния, окончательного приговора судьбы и т. п. Понятие надежды выступает одной из основополагающих категориальных структур в экзистенциалистской ветви современной философии (Габриэль Оноре Марсель и др.); проблематика надежды актуализируется в рамках неортодоксального неомарксизма («философия надежды» Эрнста Блоха) и социально ориентированной философской эссеистики («Надежда» Андре Мальро). Психологический феномен сохранения надежды при отсутствии обосновывающих ее объективных факторов (только на базе сильной субъективной мотивации) также осмыслен в европейской культуре как ценность и конституируется в качестве отрефлексированной сознательной поведенческой парадигмы, возводясь в ранг жизненного принципа и приобретая в культуре статус приоритетной мировоззренческой позиции, пронизывая собою всю историю Европы: от «*dum spiro spero*» — до «надежда умирает последней».

ОТ КОНФРОНТАЦИИ НАУКИ И ХРИСТИАНСТВА К ИХ ДИАЛОГУ И СОРАБОТНИЧЕСТВУ

*Е. М. Бабосов
(Минск, Беларусь)*

История взаимодействия науки и христианства развивается по нелинейной и достаточно противоречивой траектории. Хорошо известно, что современная наука возникла в XVII в. в Англии, в лоне протестантизма, являющегося одной из основных христианских конфессий.

И здесь следует напомнить, что с самого начала возникновения современной науки происходит то явный, то латентный ее диалог с религией. Причин для ведения такого диалога немало. Во-первых, следует иметь в виду, что и религия, и наука по самой своей сущности диалогичны, ибо имеют своей целью общение человека с Богом либо общение человека с миром, т. е. с другими людьми и миром природы. Во-вторых, современная наука возникает, да и может возникнуть только в лоне христианской цивилизации, одним из столпов которой является призыв Бога к человеку идти в мир возделывать землю, преобразовывать окружающую реальность. Вряд ли, конечно, следует делать прямолинейный вывод о том, что именно христианство породило науку. И все же нужно признать, что без содержательно-мировоззренческих идей, рожденных в лоне христианства на рубеже Средневековья и Нового времени, и их влияния на европейскую культуру вряд ли бы сформировалась

наука. В-третьих, и наука, и религия наряду с искусством, как считал К. Маркс, «формы духовного производства», духовного освоения мира. В-четвертых, религия и наука — это две разные области человеческой жизнедеятельности, у них различные исходные посылы, разные цели, задачи и системы доказательств. В силу таких различий и нужен диалог между ними. Вместе с тем и наука, и религия стремятся к постижению истины. Но в этом обоюдном стремлении религия постигает абсолютную, вечную, Богооткровенную истину, которая не изменяется от века, наука же добывает истины относительные: то, что было истиной вчера, перестает быть истиной сегодня, а завтра может быть, а чаще всего и бывает, заменено новой истиной. Непреодолимое стремление науки к порождению нового знания делает ее важнейшим социальным фактором изменений в культуре и обществе. В отличие от этого религия выступает хранителем традиций, устойчивых ценностей, аккумулирующих многовековой опыт социальной адаптации человека к природе и социальным общностям. Хранящая в Церкви истина не может по самому своему существу стать другой, более современной. Божественное откровение делает ее вечной, непрекращаемой и несомненной. Она современная всегда. Она выходит за рамки познания как такового, ибо охватывает и сферу онтологии.

Известный и весьма влиятельный христианский теолог Ганс Кюнг считает, что существует три различные модели взаимодействия науки и религии. Первая из них — «модель конфронтации между естествознанием и религией», вторая — «модель интеграции, отражающая стремление к гармонизации», третья — «критически-конструктивного взаимодействия <...>, в которой <...> обе стороны стремятся понять реальность во всех ее измерениях»¹. С такой дифференциацией различных моделей взаимоотношений науки и религии можно (естественно, с некоторыми оговорками) согласиться. На самом деле, на первоначальном этапе формирования науки Нового времени, когда высказываемые некоторыми выдающимися учеными концепции пришли в противоречие с библейской картиной мира, стараниями католической инквизиции диалог церкви и науки приобрел антагонистический характер, а значительная часть ученых (Г. Галилей, Дж. Бруно и др.) подверглась репрессиям. Еще более трагический характер приобрел антагонистический вариант диалога во времена господства большевистского государственно-атеизма, когда репрессивные гонения на церковнослужителей приобрели не индивидуализированный, а массовый характер. Оба эти вида диалога, к счастью, ушли в небытие.

Наиболее перспективной формой партнерского сотрудничества науки и религии в современном мире, в своих сущностных особенностях определя-

¹ Кюнг, Г. Начало всех вещей. Естествознание и религия. — М., 2007. — С. 63.

емом переходом к информационному обществу и развитием инновационной экономики знаний, представляется третья модель диалога науки и религии, предложенная Г. Кюнгом, — *модель дополнительной, критически конструктивного взаимодействия* между ними. Эта модель взаимной дополнителности может быть осуществлена при соблюдении нескольких условий: 1) строгого разграничения естественнонаучного и религиозного знания; 2) запрета на нелегитимный переход границ; 3) отказа от абсолютизации одной из сторон; 4) диалога в виде вопросов с общей целью целостного понимания реальности. При таком подходе естествознание и религия должны мыслиться как однопорядковые духовные феномены, вступающие в диалог друг с другом в качестве равноправных партнеров.

Вступление современного общества в эпоху постиндустриализма, информационного развития и созидания экономики знания, базирующейся на достижениях науки и инновациях, существенно оживило и актуализировало интерес приверженцев христианства к вдумчивому восприятию и осмыслению ценностей науки. Учитывая такую актуализацию, Римский папа Бенедикт XVI подчеркивает: «Ценности черпают свою непркосновенность из того, что они истинны и отвечают подлинным требованиям человеческого бытия»². И далее первосвященник продолжает: «Новый миропорядок, в необходимости которого едва ли кто сомневается, должен быть рациональным <...> Критерий рациональности берется исключительно из опыта научно обоснованной технической деятельности <...> Главное не отстать от науки, которая сама определяет свое направление <...> Ставка на техническую рациональность и ее возможности выступает здесь как европейская специфика»³.

С учетом всего сказанного существенно иной представляется картина развертывания диалога христианства с наукой в Русской Православной Церкви. В отличие от Западной Европы институционализация науки в России начала осуществляться не в условиях развития капитализма и того, что М. Вебер «назвал «духом капитализма» с его извечным стремлением к максимизации прибыли и жесткой конкуренцией, а до развития капитализма. Создание Российской академии наук, явившееся первым шагом институционализации науки в стране, было осуществлено по распоряжению Петра Первого 8 февраля 1724 г., всего на 62 года позднее, чем в Англии, и в предкапиталистическую эпоху, когда были еще сильны устои феодализма и патриархального образа жизни, не знавшего острой конкуренции. Это и предопределило более спокойный и гармоничный характер диалога церкви с наукой. К тому же и М. В. Ломоносов и Д. И. Менделеев, и И. П. Павлов,

² Социальная доктрина русской православной церкви. — М., 2002. — С. 54.

³ Там же. — С. 100—101.

как и многие другие российские ученые, были глубоко верующими людьми, и это не могло не сказаться на характере диалога науки с религией. Ломоносов, в частности, утверждал: «...наука и религия в распрю прийти не могут <...> разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду восклепет».

В последнее время в научных и околонаучных, а также в богословских кругах существенно возрос интерес к проблематике возникновения Вселенной в результате «Большого взрыва». Этот интерес сильно обострился в связи с теми работами, которые проводятся на Большом адронном коллайдере и направлены на то, чтобы по возможности точнее воссоздать те условия, которые существовали в преддверии взрывного возникновения Вселенной.

К этому вопросу прикован интерес некоторых богословов. Именно богословскому истолкованию данной проблемы посвящена очень интересная книга весьма влиятельного православного богослова, епископа Василия (Родзянко) — внука того самого Родзянко, который перед октябрьской революцией играл большую роль в Российской государственной Думе. Книга называется «Теория распада Вселенной и вера Отцов» (1996). В ней ставится задача — изучать космологию в богословии и богословие в космологии. И подчеркивается: «Изучать надо не *вчерашние* теории, а *сегодняшние*. *Апологетика* тем и отличается, что она отвечает *последнему слову науки* на недоуменные вопросы сегодняшнего дня»⁴.

В этом контексте следует обратить внимание и по достоинству, высоко оценить существенную сентенцию, сформулированную высшим представителем Белорусской Православной Церкви Митрополитом Минским и Слуцким Филаретом. Она провозглашает необходимость «постоянно и настойчиво стремится формировать у молодого поколения пастырей и мирян навык духовного измерения истории человеческого рода, умение применять духовный фактор к широким областям гуманитарных и естественных наук»⁵.

Это утверждение не только провозглашается, но и претворяется в практическую духовно-пасторскую деятельность. Это находит свое воплощение в регулярно проводимых Белорусским экзархатом Русской Православной Церкви, Институтом теологии им. свв. Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета совместно с Министерством культуры Беларуси и Белорусским государственным университетом культуры и искусств Международных Кирилло-Мефодиевских чтений, посвя-

⁴ Василий, епископ (Родзянко). Теория распада Вселенной и вера Отцов. Апологетика XXI века. — М., 1996. — С. 3.

⁵ Филарет (Вахромеев К. В.) Митрополит Минский и Слуцкий. Человек в истории. — Минск, 2008. — С. 14.

щенных диалогу науки и религии, а также проводимых Белорусской Православной Церковью совместно с Национальной академией наук Беларуси Международных научно-практических конференций, обсуждающих проблемы взаимодействия науки и религии в духовно-нравственном воспитании.

Ведущийся на этих научно-образовательных форумах трехсторонний взаимообогащающий диалог базируется на нескольких фундаментальных основаниях.

Назовем некоторые из них.

Первое. Вера — это не только прерогатива религии, как ее центральная мировоззренческая позиция и психологическая установка, но и неотъемлемая принадлежность науки как позиция миропостигающего разума, что доказано такими выдающимися философами, как Иммануил Кант и Мартин Хайдеггер. Молодые люди приходят в науку, потому что еще на школьной скамье верят в научные авторитеты и добываемые ими истины, верят в возможность науки проникать в тайны мироздания, верят, что и они способны внести свою лепту в развитие научных знаний. К тому же не следует забывать, что вера (в смысле доверия) есть в своем роде высшее испытание моральной силы, подлинный критерий единства во всех глубоких отношениях человека не только к Богу, но и к другому человеку, в т. ч. к человеку науки, претворяющему веру в знание.

Второе. Религия, равно как и наука, имеет свои постулаты (бытие Бога, бессмертие души), особый метод познания (духовно-нравственное совершенствование личности), свои критерии в различении истины и заблуждения и в соответствии с истиной создает картину мира, а тем самым в своей структурной архитектонике не столь уже значительно отличается от науки. И в этом смысле, по мере своего прогрессивного развития и вхождения во все более глубокие тайны и истины бытия умопостигаемого мира, наука все более становится союзницей религии.

Третье. Отдаляясь от христианских ценностей, наука становится бездуховной, а ее применение способно утратить нравственные, гуманистические ориентиры и превратиться из служителя человека в силу, направленную против него. Достаточно вспомнить атомную бомбардировку американцами Хиросимы и Нагасаки: несравненно более разрушительные смертоносные возможности современного ракетно-ядерного оружия, возникшие благодаря необдуманному применению научных технологий глобальные проблемы, прежде всего экологическую, наконец, недавние эксперименты с адронным коллайдером близ Женевы, ставшие возможными вследствие забвения христианских ценностей, прежде всего таких, как воздержание и ответственность. Поэтому только совместными усилиями науки и религии все эти и многие другие проблемы, могут быть решены в интересах человека и человечества.

Четвертое. Человек, как и во времена Античной Греции, становится мерой всех вещей и событий в мире, которые в сущности своей необратимы и протекают в режиме «стрелы времени». Но ведь не в научной терминологии, а в форме библейской картины сотворения мира «стрела времени» впервые получила воплощение в первой книге Бытия, где предельно четко аргументировано положение о начале всех времен, о том, что «в начале было слово». Здесь же сформулирован вывод и о человекомерности мира, сотворенного Богом. Итак, основополагающие положения христианства и современной науки о мире и человеке в нем в своей содержательной наполненности фактически совпадают. Это делает плодотворный, взаимоуважительный, двусторонний диалог между ними не только желательным, но и необходимым. Вот почему сегодня так важен адекватный перевод онтологических и гносеологических, познавательных основоположений с языка науки на язык богословия, а с языка богословия на язык науки. С обеих сторон требуются благожелательная терпимость, готовность понять собеседника и оппонента, чтобы диалог между ними стал плодотворным.

Названная тенденция к сближению истин науки с истинами христианства находит воплощение в сформулированной в социальной доктрине Русской Православной Церкви концепции «сотрудничества церкви и государства в нынешний исторический период», в которой к важнейшим областям обоюдного сотрудничества, взаимной поддержке и взаимной ответственности, как там подчеркнуто, отнесена «наука, включая гуманитарные исследования»⁶. В процессе такого «сотрудничества» необходимо обеспечить «возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями». Эти две сферы, имеющие различный характер, подчеркивается в данном документе, «могут соприкасаться, пересекаться, но не противоборствовать одна с другой»⁷. Именно в таком ключе союзнической соработанности осуществляется действующая Программа сотрудничества Национальной академии наук Беларуси и Белорусской Православной Церкви.

⁶ Филарет (Вахромеев К. В.) Митрополит Минский и Слуцкий. Человек в истории. — Минск, 2008. — С. 31.

⁷ Там же. — С. 69.